

Е.А.Балашова

ТРАДИЦИИ СТИХОТВОРНОЙ ИДИЛЛИИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Обозначаются два полюса в современной реализации жанровой модели идиллии: на одном будут произведения, которые сохраняют связь с инвариантом, а на другом — которые только «числятся» по ведомству идиллии. Что же позволяет именно идиллии (и никакому другому жанру), отказавшись ото всех жанрообразующих признаков, стать вариацией авторского целого?

Ключевые слова: жанр, инвариант, идиллия, внутренняя мера жанра, деканонизация жанра

Жанр идиллии — один из древнейших в литературе, сохранившийся до сегодняшнего дня. С другой стороны, в русской литературе в чистом виде идиллии почти не встречается. Между тем традиции жанрообразования, идущие от идиллических произведений, оказались крайне плодотворны. В основе нашей концепции лежит представление о том, что в поэзии XX века (и в начале XXI в.) идиллия оказывается крайне продуктивной жанровой моделью, имеющей инвариантную структуру, порождающую вариации единой модели. Она остается собой, вступая в межжанровые контакты. Ряд признаков (жанрообразующих факторов) становится относительно устойчивым и неизменным в последующем развитии и функционировании идиллии. Они-то и входят в понятие инварианта (как некая «совокупность вариаций одной структуры»). Таковы топосы предметно-образного уровня: герой как «природный человек» (пастухи, рыбаки), сельский пейзаж, противопоставленный цивилизованному миру, а также преобладающий «эмоциональный тон», доминирующее эстетическое качество изображаемого (настроение безмятежности, гармонии человека с окружающим: «Добрый Филя» Н.Рубцова, «А человеку много ль надо?» Г.Горбовского, «Эклоги» Т.Кибирова). Для нас несомненно, что полноценно функционируют тексты, ориентирующиеся на инвариант: во-первых, воспевающие уединенную жизнь (а также осваивающие философские рассуждения о природе и человеке); во-вторых, изображающие простой быт, уют, накрытый стол; в-третьих — жизнь влюбленных на лоне природы. Даже если энергия элементов жанра идиллии угасает, то она появляется с неожиданной силой всякий раз, когда чей-либо стиль смещает эту перспективу. Понятно, что привычное в структуре жанра идиллии оживает для восприятия в современных попытках воспроизвести античные образцы, но при высвечивании «старины» начинает каждый раз по-своему играть «новизна», предлагая оригинальные варианты традиционного. Вот как выглядят современные «Буколики» владивостокца А.А.Егорова, иллюстрирующие инвариантные черты идиллии:

Многое лучше всего совершается ночью прохладной
Или когда на заре росится земля под Денницей.
Вергилий. «Георгики»

Хозяйка опару в овчинную кутает шубу,
Высокие сосны скрипят на заснеженных кручах,
Незримый родник замирает в хрустальных чертогах,
А малые дети в домишках, подобно гороху,
На тёплых полотах витают в объятьях Морфея...

Озимые спят, повинуюсь законам природы,
Мышиные пары живут под стерней, размножаясь,
В овчарне — ягнёнок пытается встать на колени,
Матёрый подсвинок — мечтает о сладкой подруге;

Голодной волчице — приснилась покорная жертва,
Медведице бурой — поляна лесной земляники,
Дородной крольчихе — кочан белоснежной капусты,
Пчеле медоносной — цветущие травы июля,

Жерёбой кобыле — весенняя встреча с красавцем,
Приятное бремя его потрясающей плоти,
Телёнку — тугое и сладкое вымя коровы,
А ей — бесконечное поле зелёной люцерны,

Которую острой косой мужики подсекают,

Поднявшись с завидной охоткой ещё до рассвета,
Успев по росе завершить основную работу,
Прodelав по лугу с десятком заглавных прокосов...

Чуть солнце в зените, садятся в тени пообедать,
Достав из тряпиц и кошёлков домашнего хлеба,
С десятком куриных яиц и зелёного лука,
Смакуя всё это то квасом холодным, то солью,

А после — свистульки строгать конопатым мальчишкам,
Рубахи от пота сушить, покурив, балагурить,
Лапту вспоминая, далёкого детства качели,
Весною взлетающих к небу до самого солнца,
Цветные платки и нарядные кофты красавиц,
Сердечный озноб от внезапного прикосновенья...
На волнах незримых в приятные сны уплывая,
Оставив воронам, сорокам да юрким полёвкам
Лишь жалкие крохи от щедрого пира земного [1, с. 57-58].

Другие же индивидуальные особенности (специфика субъектно-речевой организации, композиция, система персонажей и т.д.) оказываются вариативными. Эти признаки не постоянны, но обладают жанрообразующими потенциями (они «чреватые» развитием), актуализируясь в тех или иных разновидностях — вариантах жанра.

Конечно, поэзия XX—XXI вв. представлена текстами, которые принципиально асобытийны, в них нет и не может быть события — это инвариантная черта идиллии («Идиллия» А.Трунина; «Звезда блесит, но ты далека» И.Бродского); однако эта модель продуцирует тексты, в которых «событие» из жизни героя находится за рамками рассказываемого, но на него делается акцент («Вместо ответа» А.Яшина, «Обескрылел, ослеп и обезголосел...» А.Межирова, «Дуешь в волосы своего ребенка» В.Бурича, «В деревне Бог живет не по углам...» И.Бродского, «Побег» М.Лапшина). Также возможен вариант текстов с событием, которое возможно в будущем, правда, применительно к идиллии это — гибель идиллического мира («Пастух» Д.Магулы, «Полевая эклога» и «Пророчество» И.Бродского, «Родная, мы будем жить здесь, где нет прохожих...» Б.Рыжего).

Рассматривая жанрообразующие признаки идиллии, мы сознательно акцентируем соотношение идиллии и идиллического, поскольку идиллическое как жанрообразующий признак является ключевым и предполагает множество вариаций. Заметим, что «компромисс» (отказ от идиллии и замена жанра «типом художественности») укоренился: в последнее время наметилась тенденция использовать только понятие «идиллическое», не связывая его с конкретным жанром. Что же касается «идиллического», то, на наш взгляд, в определении его необходимо расставить следующие акценты, выделив две стадии его развития. Первая стадия. *«Идиллическое» как предшествующее собственно жанровому образованию.* На этой стадии идиллическое воспринимается как форма структурно аморфная, но содержательно определенная — по пафосу, мироощущению. Она еще не стала устойчивым типом произведения с «жестким» набором формальных и содержательных признаков, но отчетливо проявляет — как содержательно-доминирующие — именно человеческие, понятные каждому теплые чувства: любованье ребенком, радость от пришедших гостей, от богатого урожая, умиротворенное созерцание картин природы. Вторая стадия. *Идиллическое как постжанровое явление.* Воспринимается как своего рода «экспрессивный ореол» жанра идиллии. Очевидно, что он возможен только тогда, когда жанр уже сложился. Тоже структурно не оформленный, он несет память жанра, развивается в опоре на него. Эта вторая стадия продуктивнее, так как включает и «недожанр» (всё общечеловеческое, связанное с любовью к природе, труду...), и жанр. Память жанра — это способ сохранения главного в жанре, всех жанровых потенций, на чем, собственно, жанр и держится. Идиллическое — это не что иное, как мироощущение. Идиллическое — это потенция, которая может и не стать идиллией, а вот жанр идиллии непременно включает в себя идиллическое. Функционирование идиллии и идиллического в литературе прямо соотносимо — и убедительное доказательство этого находим, например, в поэзии О. Мандельштама («Нашедший подкову», «Кому зима — арак и пунш голубоглазый...», «В спокойных пригородах снег...», «Морожено!» Солнце. Воздушный бисквит...», «Вы, с квадратными окошками, невысокие дома...», «Есть иволги в лесах, и гласных долгота...», «Московский дождик»).

Любопытные варианты дает так называемая национальная идиллия, и прежде всего идиллии, написанные в годы войны и о войне. Вспоминал ли на войне об идиллическом мире герой (т.е. совершая движение в прошлое), мечтал ли об идиллическом (движение в будущее), так или иначе мысли касались его самого — идиллическое предполагает интимное. Тем интереснее и неожиданнее показалось нам стихотворение, где идиллическое реконструируется в рассказе о другом, причем в *другом* — в бытийном, экзистенциальном смысле, когда вдруг стало возможно нарушение главного постулата жанра — жить в согласии с миром. Герои живут в согласии друг с другом — но ценой утраты гармонии с миром. Обратим внимание на пунт в «Идиллии» И.Зеленцова:

<...> Кошмарной какофонии газет
предпочитая фильмы и пластинки,
они не знают свежих новостей,
да и несвежих знать бы не хотели.
Не ждать гонцов, не принимать гостей
и до полудня нежиться в постели —
чего ещё желать на склоне лет,
тем, кто так долго был игрушкой рока?
Есть пара слуг, терьер, кабриолет,
уютный домик — позднее барокко,
внутри — шелка, добытые с трудом
ковры, скульптуры, редкие картины...
Им нравится тянуть бурбон со льдом,
считая звёзды в небе Аргентины,
и на лужайке, наигравшись в гольф,
сидеть с корзинкой ветчины и хлеба...

— Подай кофейник, ангел мой, Адольф!

— Какой чудесный день, не так ли, Ева? [2, с. 6].

У читателей каждой эпохи и среды складываются свое понимание жанра и свои требования к нему. Существенная модификация прежних жанровых форм и образование новых жанров всегда сопряжены с моментом выражения и интенсивного поиска новых смыслов литературе. История развития русской идиллии предстает в качестве движения от начального строгого жанрового соответствия «образцам» к их трансформации, а потом и к массовой репродукции идиллических сюжетов и мотивов. Этот последний и завершающий этап освоения жанрового образования свидетельствует вовсе не о разрушении жанра, а, напротив, о его стабилизации. См. стихотворение Ю.Левитанского:

С деревянным домом
живу в ладу.
Собираю хворост
и в печь кладу.
За водой иду
и варю еду
из картошки да из крупы.
А потом я корни ищу
в лесу.
А потом я корни
домой несу,
чтобы там разобраться в них.
А старательный дятел —
всё тук да тук.
А сосна надо мною —
всё скрип да скрип.
И стоит сыроежка,
печальный гриб,
дурачок на одной ноге...
Вот ушел я
от суеты сует.
Ни о чем душа моя
не болит.
Телефонный мой
торопливый быт
где-то в прошлом —
как неолит.
Там под слоем пыли
молчат часы.
Там лежит в беспмятстве
календарь.
Телефонная трубка на рычаге,
как давленница, висит.

А в лесу стоит
деревянный дом
И летит, как бабочка,
желтый лист. [3, с. 104]

Помимо того, что в современной литературе можно встретить собственно идиллии, есть стихотворения с отдельными «вкраплениями» идиллических настроений и образов; стихотворения, которые из-за большого числа идиллических образов и атрибутов готовы стать идиллиями, но ими так и не становятся из-за присутствия других мотивов. Еще интереснее наличие антиидиллии.

Художественная структура антиидиллии определяется особенностями породившего ее традиционного жанра-основы, но по сравнению с инвариантом наполняется содержанием с противоположной направленностью, а значит, ставит под сомнение ценность безмятежного замкнутого существования на фоне природы, довольство малым, стабильность быта и другие качества, которые воплощаются в идиллических текстах. Апеллируя к внутренней мере исходного жанра, автор антиидиллии отвергает не только тематику, но также соотношение с ней стиля и композиционного построения канона, пытаясь их обнажить, чтобы потом опровергнуть. Антижанр — жанровая модель, выворачивающая жанр «наизнанку», обнаруживающая в его мировоззренческом обосновании скрытые противоречия. Примеры антиидиллий: «В недрах соответствующего строя» Н.Глазкова, «Селенье. Крик младенцев и овец...» Л.Мартынова, «Я весь умру. Всерьез и бесповоротно» Е.Винокурова, «И живешь-то ты близко...» В.Тушновой, «Умиравший медленный мир» С.Куняева, «Воспитание по Жан-Жаку» А.Кушнера, «На побережье речки...» Э.Лимонова, «Деревенские картины» И.В.Бахтерева, «Танец легкомысленной девушки» В.Е.Щировского.

Вот каким образом происходит отталкивание от жанрово узнаваемых признаков пасторали в стихотворении «Пастораль» А.Перфильева:

Про бессмыслицу мира, про мерзость, про ложь?
Про любовь что дешевле, чем ломаный грош?
Может быть, про снежок? Может быть, про лужок,
На котором пастушке поет пастушок?

Про печаль, про мораль? Это все пастораль,
Про нее дребезжит нам разбитый рояль,
На котором играет в публичных домах
Полупьяный тапер в оловянных очках [4, с. 294].

Как известно, идиллия имела побочное положение и играла второстепенную роль в системе жанров: как лирический жанр она никогда в русской поэзии не доминировала. Обнаружилось, что вместе с «взрослением» литературы взрослеет и идиллия. В XX веке идиллия вдруг оказалась живучей, продуктивной, перестала быть условно-этикетной и, пользуясь пушкинским словом, «тошной». Человек возвратился к истинным ценностям, потому что идиллический мир учит жить необходимым и первостепенным. Идиллическое состояние, идиллическая картина мира оказались продуктивными уже потому, что апеллируют ко всякому отдельно взятому человеку и каждому проживаемому им событию.

Отчетливо проявленные жанрообразующие признаки позволяют идиллии XX—XXI вв. претендовать на статус жанра.

1. Егоров А. Буколики // Лучшие стихи 2010 года. Антология / Сост. М.Амелин. М.: ОГИ, 2012. 264 с.
2. Зеленцов И. Идиллия // Зеленцов И., Шведов А. Письмо на салфетке. М.: Арфа, 2007. 140 с.
3. Левитанский Ю. Черно-белое кино. М.: Время, 2005. 496 с.
4. Перфильев А. Пастораль // Строфы века. Антология русской поэзии. М.: Полифакт. Итоги века, 1999. 1056 с.

References

1. Egorov A. Bukoliki [Bukoliki]. In: Amelin M., comp. Luchshie stikhi 2010 goda. Antologiya. Moscow, 2012. 264 p.
2. Zelentsov I. Idilliya [Idyll]. In: Zelentsov I., Shvedov A. Pis'mo na salfetke. Moscow, 2007. 140 p.
3. Levitanskiy Yu. Chernobeloie kino [Black and white movie]. Moscow, 2005. 496 p.
4. Perfil'ev A. Pastoral' [Pastoral]. Strofy veka. Antologiya russkoy poehzii. Moscow, 1999. 1056 p.

Balashova E.A. Idyll in the modern Russian poetry. Two poles can be marked in the modern genre model realization: the first will include the works that keep the connection with the invariant, the second deals with those that are only “enrolled” into the idyllic department. So, what lets the idyll, and no other genre, omitting all genre constituting signs, become the author’s integral variation?

Keywords: genre, invariant, idyll, genre inner measure, genre decanonization.

Сведения об авторе. Е.А.Балашова — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы, Калужский государственный университет им. К.Э.Циолковского, balashova_ea@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.10.2018.